

Миф и реальность Букера

Моек. из вост. - 1997 - 30 нояб. - 7 дек. - с. 21

ПРЕМИЯ

Как и предполагали «Московские новости», «Кубик Букера» (№ 47) попал в «Клетку» Анатолия Азольского — этому роману жюри единодушно присудило Букеровскую премию 1997 года. О том, что этому предшествовало, вспоминает член жюри Букеровского комитета — 97 актриса Алла ДЕМИДОВА.

Садур «Дети лета тише воды и ниже травы», по жанру они даже не новеллы.

Ощущения от прочитанного не вместились бы в рамки газетной статьи. Свои впечатления могу сравнить с театром. Иногда смотришь спектакль и все тебе нравится: хорошо играют, грамотные мизансцены, световая партитура, ритм, музыка. А на другой день это забываешь. А случается, что и спектакль не очень нравится, и актеры не совсем в форме, но кто-то из них так тебя цепляет за сердце (так у меня почти всегда было со Смоктуновским), что он со временем все ярче проявляется в памяти, порой оставаясь в ней на всю жизнь. «Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему». Так и с книгами.

Прежде всего я с удивлением обнаружила, что роман живет, романы есть и их много. Часто встречается компьютерная манера письма и наше изменившееся клиповое сознание: в сюжет вкраплены главы, не имеющие прямого отношения к ходу действия. Язык бывает засорен уличным сленгом, матом, но поставленная автором цель не достигается. Есть вещи, написанные будто специально ради премии: у человека на роман явно не хватает дыхания, и он свое повествование искусственно растягивает.

Сейчас, когда победитель премии назван, как «вольный стрелок», как читатель читателю я могу посоветовать обратить внимание на некоторые не вошедшие в окончательный список произведения.

Это, например, роман Виталия Бабенко «Ноль» (издательство «Вагриус») — своеобразный интеллектуальный триллер о добре и зле, о границах того, что человек вправе себе позво-

лить. Или «Ермо» Юрия Буйды («Знамя» № 8) — роман-стилизация о жизни и творчестве, между которыми писатель ставит знак равенства. Это и философско-исторический роман Игоря Ефимова «Не мир, но меч» («Звезда» № 9 — 10) — о свободе выбора, которая не зависит от Бога. «Крепость. Семейный роман» Владимира Кантора («Октябрь» № 6 — 7) рассказывает о жизни русской интеллигенции 60 — 70-х годов, являя собой «сагу» о смене поколений и менталитетов. В романе Михаила Пака «Ночь» («Простор» № 7 — 8), явно автобиографичном и построенном на внутреннем монологе, ставится вечный вопрос о том, что с нами произошло и что мы должны принести в жертву будущему. «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина («Знамя» № 4 — 5, «Вагриус») страдает, на мой взгляд, стилистическими погрешностями, заимствованиями и некоторой вторичностью по отношению к западной литературе, но прочитать его, мне кажется, стоит, чтобы понять хотя бы направление нынешней литературной моды. Светлое впечатление, несмотря на некоторую монотонность сюжета, оставляет повесть-дебют Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» («Октябрь» № 7), продолжающая традицию «детских» романов. Ко всему перечисленному я, разумеется, добавила бы шестерку финалистов во главе с романом года.

Премия Букера считается очень престижной литературной наградой. Дело даже не в денежном эквиваленте, а в мифе, который стоит за ней. Определяя лучшую книжку года, премия предполагает повышение статуса автора в глазах публики и книготорговцев. И тут, к сожалению, между мифом и реальностью у нас возникают огромные «ножицы». Известно, что после «Оскара» вы переходите в другой, более высокооплачиваемый ранг актеров. В Англии тиражи букеровских лауреатов многократно возрастают. Здесь же, получи ты хоть десять «Ник», ничего в твоей судьбе не изменится, и после Букера о тебе будут знать лишь узкие специалисты. Тем не менее колесо нашей привычной жизни постепенно раскручивается, и английская премия для русских литераторов немало тому способствует: особенно активизируется критика. И это хорошо. Это поддерживает и питает букеровский миф, а любой миф такого рода для культуры — благо.

Когда в начале года Джон Кроуфут, секретарь российского комитета премии Букера, предложил мне войти в жюри, я удивилась: это жюри всегда состояло из профессионалов — критиков, литераторов, литературоведов. Джон мне объяснил, что они хотят избавиться от узкого цехового подхода и включить в жюри просто читателя, для которого и пишутся книги. Мысль показалась мне убедительной: я читаю запоем с детства, ни с кем из выдвинутых на премию писателей не знакома, суждения мои будут непредвзяты — и я согласилась. Тем более что в последние годы современную художественную литературу читать перестали, и мне захотелось узнать, что же в ней делается.

Получив все 42 выдвинутых на премию романа (изданные в 1996 году в России, Белоруссии, Казахстане, Эстонии, Германии и Израиле), я стала лихорадочно их читать. Как назло, вначале мне попались вещи, мягко говоря, не очень интересные. Кто и почему выдвигал их на Букера? Ознакомившись со списком номинаторов и их выдвинутых, я поняла, что рекомендуют их главные редакторы журналов, в которых они напечатаны.

Помню, много лет назад я была членом жюри по художественному слову и при обсуждении финалистов плохо понимала, почему председатель жюри настаивает на каком-то весьма слабом тексте, пока мне не шепнули на ухо, что горечтец — студент театрального института, где председатель преподает художественное слово.

К счастью, наше букеровское жюри оказалось в этом смысле совершенно независимым. Первый раз мы встретились в июне. Я трусила. Боялась не соответствовать высоким профессионалам. Председателем жюри был доктор наук Игорь Шайтанов, в него входили писатель Борис Екимов, критик Владимир Новиков, немецкий славист Вольф Шмид. На первом же заседании я увидела, что волновалась напрасно: все они были на редкость близки мне по суждениям и оценкам. И все же, как бы точно ни было подобрано жюри, согласитесь, что брать на себя задачу определить лучший роман года — дело чрезвычайно ответственное.

Некоторые произведения ушли из списка уже в июне как не соответствующие условиям конкурса. В их числе прекрасный рассказ Сергея Каледина «Тахана мерказит» и сочинение Кати